

Научная статья

УДК 398.21 (=512.156) (510)

DOI 10.17223/18137083/83/3

**Образ Амыр-Саны
в анклавной традиции тувинцев Китая
по современным записям**

Жанна Монгеевна Юша

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Аннотация

Рассматривается образ Амыр-Саны в анклавной традиции тувинцев Китая. В них, по сравнению с традицией российских тувинцев, образ Амыр-Саны раскрывается более полно, как с положительной, так и с отрицательной стороны; его образ в фольклоре китайских тувинцев является противоречивым. Амыр-Сану приравнивают к эпическому герою, признают его тувинцем, считают начинателем состязания в стрельбе из лука – национальной гордости китайских тувинцев. В то же время имеются и негативные характеристики Амыр-Саны как трусливого человека; хана, потерпевшего поражение, захотевшего стать правителем тувинцев. В отличие от материнского поля, нарративы на эту тему в анклаве до настоящего времени бытуют в репертуаре у молодых и пожилых людей, что показывает живучесть и преемственность фольклорной традиции. В текстах выявлены устойчивые мотивы ухода и возвращения Амыр-Саны в Китайский Алтай. В научный оборот введены новые, ранее не публиковавшиеся фольклорные материалы.

Ключевые слова

тувинцы Китая, анклавная традиция, материнское поле, тувинский фольклор, Амыр-Сана, устные рассказы, историческая память

Для цитирования

Юша Ж. М. Образ Амыр-Саны в анклавной традиции тувинцев Китая по современным записям // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 35–48. DOI 10.17223/18137083/83/3

© Юша Ж. М., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 35–48
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 35–48

The image of Amyr-Sana in the enclave tradition of Tuvans of China according to modern records

Zhanna M. Yusha

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhanna-yusha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Abstract

In the modern enclave tradition of Chinese Tuvans, a layer of oral stories dedicated to Amyr-Sana has been revealed. The narratives on this topic are still alive in the memory of young and elderly people, showing the continuity of folklore and the stability of historical memory. The collected materials of recent years indicate that compared to the maternal field, the image of Amyr-Sana among Chinese Tuvans is represented by various variants, showing his folklore image to be rather contradictory. On the one hand, the image of Amyr-Sana in the folklore of Chinese Tuvans embodies faith in freedom and independence. He is regarded as an epic hero, a Tuvanian, a founder of archery competition Tuvans. On the other hand, Amyr-Sana can be negatively characterized as a cowardly person, a khan who was defeated and wanted to become the ruler of the Tuvans. One of the specific features in the plot situation: "Amyr-Sana wants to become the ruler of Tuvans" has been found to be the obligatory presence of a poetic triplet/couplet conveying the essence of the main theme. It has been revealed that the departure and return of Amyr-Sana feature two stable motives expressing the idea of Amyr-Sana's return to his native lands in a difficult time for the people. The fieldwork allowed us to establish that numerous respondents nowadays believe and wait for the return of Amyr-Sana, a striking indicator of the preservation of historical memory.

Keywords

Tuvans of China, enclave tradition, mother field, Tuvan folklore, Amyr-Sana, oral stories, historical memory

For citation

Yusha Zh. M. The image of Amyr-Sana in the enclave tradition of Tuvans of China according to modern records. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 35–48. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/3

В фольклорной традиции тувинцев, проживающих в России, Китае и Монголии, имеются предания и легенды, посвященные Амыр-Сане (в научной литературе встречаются также написания Амырсана, Амурсана, Амур-Сана), историческому персонажу, жившему в 1722–1757 гг. в Джунгарском ханстве. По историческим сведениям, он был правителем ойротских племен Джунгарии и совершил ряд удачных походов против Внешней Монголии, части Маньчжурии. С 1756 г. Амыр-Сана вместе с Ценгун-Джапом, руководителем восстания халхасцев, вел борьбу с маньчжуро-китайскими войсками [МЛПТ, 2010, с. 325]. В это же время Тува входила в состав Джунгарского ханства, когда «после смерти Галдан-Цэрена в 1745 г. в Джунгарии разгорелась борьба за ханский престол. Этим воспользовался императорский Китай и в течение 1755–1756 гг. сумел разгромить и уничтожить Джунгарское государство» [История Тувы, 2001, с. 190].

Отметим, что в тюрко-монгольском фольклоре Амыр-Сана является национальным героем фольклора бурят, монголов, ойратов, тувинцев, казахов, калмы-

ков, хакасов, алтайцев (см. [МЛПТ, 2010; НПА, 2011] и др.). Каждый из этих народов считает Амыр-Сану своим национальным героем и ждет его появления на своей территории в трудное для народа время.

Данная статья основана на новых полевых материалах автора, собранных в местах проживания тувинцев Китая в течение ряда полевых сезонов в 2010–2018 гг. В работе впервые вводятся в научный оборот фольклорные тексты, посвященные Амыр-Сане.

В фольклоре китайских тувинцев устные рассказы об Амыр-Сане до настоящего времени сохранились в исторической памяти носителей анклавной традиции. В них подробно обрисован только Амыр-Сана, а другие реальные персонажи, также сыгравшие большую роль в истории Джунгарского ханства не упоминаются, тогда как в материнском поле в нескольких фольклорных образцах присутствует образ Шуну – противника Амыр-Саны [МЛПТ, 2010, с. 216–217]. По сравнению с материалами российских тувинцев, в современных текстах китайских тувинцев образ Амыр-Саны раскрывается более многогранно, в разных ракурсах – с положительной и отрицательной сторон.

В первую очередь, в отличие от материнского поля, обращает внимание то, что в несказочной прозе китайских тувинцев имя Амыр-Саны представлено в двух вариантах: *Амыр-Санаа баатыр* (букв. Богатырь Амыр-Сана) и *Амыр-Санаа баатыр хунтайжи* (букв. Богатырь Амыр-Сана, имеющий титул хунтайжи). В них «прочитывается» положительная семантика: к имени добавляется слово *баатыр* «богатырь», которое в народной традиции принято употреблять по отношению к эпическим богатырям, которые стояли на страже своей родины. Во втором случае к антропониму добавлен титул наследного правителя – *хунтайжи* (вар. *хонтайжи*), который не зафиксирован в материнском поле.

В повествовательной традиции, прежде чем поведать об Амыр-Сане, исполнитель ссылается на того, от кого он слышал тот или иной рассказ. Эта особенность является одним из традиционных приемов передачи фольклорного произведения для определенной аудитории, поскольку рассказчик описывает события прошедших эпох, и в подтверждение своих слов, как правило, ссылается на пожилых людей, которые для современного поколения могут быть гарантией достоверности. Так, информанты в процессе повествования нарративов обязательно используют следующие устойчивые выражения: *улуглар хоочулап турар чүве* ‘взрослые рассказывали’, *бурунгу улуг амытаннар аайтырда* ‘пожилые люди рассказывали’, *бурун улус ынчап хоочулаар* ‘древние люди так рассказывали’, *мынчалдыр мен улуглардан дыңнадым* ‘я от пожилых людей такое слышал’. В некоторых случаях исполнители называют имена конкретных людей: *эмчи Чамбыл деп кижги ынчаар хоочуулаар* ‘врач Чамбыл так рассказывал’, *Чайсан деп кижги ынчаап хоочулаар* ‘человек по имени Чайсан так рассказывал’, *мында бир Дажы аайтыр* ‘здесь некий Дажы рассказывал’. Если в устной традиции китайских тувинцев при описании мифологических персонажей информанты часто упоминают: *Улуглар хоочуулаар чүве, мен көрбээн мен* ‘Пожилые люди рассказывали, я не видел’ [Юша, 2018, с. 80], то при изложении рассказа про Амыр-Сану употребляют схожую фразу: *Амыр-Санааны бодум көрбээн мен, хоочузун дыңнаан мен* ‘Амыр-Сану я сам не видел, слышал про него рассказ’.

В нарративах об Амыр-Сане даже в пределах одного текста наблюдается взаимодействие и вкрапление исторических и мифологических мотивов в основной сюжет повествования, что создает его единую семантическую направленность. В некоторых случаях в них трудно выделить достоверные исторические

сюжеты, поскольку события, описываемые в повествованиях, подвержены народной «обработке», а передаваемые в них якобы исторические моменты, воспринимаемые носителями традиции как правдивые, не подкреплены реальными историческими материалами. Но бесспорным фактом, имеющим историческую подоплеку, можно считать огромную популярность среди китайских тувинцев образа Амыр-Саны как реального исторического персонажа, оставившего неизгладимый след в фольклорной памяти.

У тувинцев Китая предания об Амыр-Сане всегда имеют территориальную отсылку к местности, где происходили события. Обычно информанты связывают случившиеся события с родными местами. В южных селах Ак-Хава, Ханас, Хом личность Амыр-Саны ассоциируется с реальным топонимом – горой Болбаадай, где войско Амыр-Саны якобы потерпело сокрушительное поражение от маньчжуров. В народе считают, что именно из-за разгрома войск Амыр-Саны на рядом стоящей высокой горе ее стали называть *Болбаадай* (букв. «не получилось»), поскольку Амыр-Сана произнес слова, которые обозначали его неудачу в битве:

Бо улуг дагны Болбаадай деп аайтыр иргин. Бурун бир улуг баатыр кээн борада, Амыр-Санаа деп баатыр келгеш, чаалажыт тур дидир бо Ханаска. Чаалашкан кесте Амыр-Санааның шерии ол педик дагның Болбаадайның үстүнге турар керек дидир. Чаалашкандан соңгаар ол Амыр-Санааның шерии шала теликтинип калыр, күжү четпейн калган соңгаар “күжүм четпээди, болбаады ай, болбайн калды амдыы” дээн сөс. Ооң соңгаар мынаар өдөр иргин Европа дипе, Азия дипе. Ол Амыр-Санааның айыткан сөзү иргин: “Болбаады ай” деп ‘Эту большую гору называем Болбаадай. Давным давно сюда приезжал богатырь Амыр-Санаа, он воевал в этом Ханасе, говорят. Во время битвы войско Амыр-Саны стояло на вершине этой высокой горы Болбаадай, говорят. После битвы войско этого Амыр-Саны обессиленным оказалось. После того, как сил не хватило, [Амыр-Сана сказал]: «Сил не хватило, не получилось, ай, пока не получилось», – вот такие слова [произнес]. После этого [он] уходит в Европу и Азию. Это слово «не получилось» сказал Амыр-Сана, оказывается’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Подобная картина обязательного присутствия местной топонимики в сюжетных линиях рассказов об Амыр-Сане наблюдается и в материнском поле.

У носителей традиции сохраняется мнение, что на вершине горы Болбаадай с тех пор, когда войско Амыр-Саны оборонялось от маньчжуров, остался чугунный котел:

Бурунгу улуг амытаннар аайтырда, мынаар барса улуг пажы бар иргин дедир. Бис бырак бо карак биле көрбедик, дыңнаан сөс, шын бар бе, меге бе. Улуг паш бар иргин деп ынчаар. Шын бе, меге бе, билбес. Паш, былчынган паш дээш ындыг чүвелери бар деп ‘Раньше старые люди рассказывали, что если туда пойдете, то там есть его большой котел, так говорили. Мы не видели своими глазами, только слышали, и вправду есть ли, нет ли. Там есть большой котел, так говорили. Правда ли, ложь ли – не знаем. Поломаный котел и другие его вещи есть, так говорили’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

В это же время исполнитель в конце приведенного нарратива сообщает о своих сомнениях насчет правдивости таких суждений, поскольку сакральная семан-

тика оставления котла воином-героем на горе носителями традиции уже не осознается.

Неуверенность местных жителей в достоверности сохранения артефактов, связанных с именем Амыр-Саны, показывает и следующий пример:

Бар болса казыр бо кыдат курун, бо кыдаттар шинчилеп үндүрүп каарик ‘Если [котел] там есть, то сейчас китайское государство, китайцы давно исследовали бы [его]’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Схожий мотив оставления котла народным героем на горе имеется и в тюрко-монгольской традиции. Котел – один из тех сакральных символов, необходимых атрибутов, которые характерны для воинской кочевой среды; он является выражением могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения на протяжении веков [Джумабекова, Базарбаева, 2017, с. 114].

Тувинцы Кок-Догая и Тамыкы, расселенные вблизи границы с Монголией, имя Амыр-Саны связывают со скалой, находящейся неподалеку от современного села Тамыкы Или-Казахской области, где проживает тувинское население. По мнению тувинцев Кок-Догая и Тамыкы, в этой местности в 1857 г. произошло кровополитное сражение войск Амыр-Саны с маньжурами.

Как рассказывают местные жители, Амыр-Сана, после своего поражения оставшись один, оборонялся от противника на вершине труднодоступной скалы, поэтому в здешних краях с тех пор эту скалу стали называть скалой Амыр-Саны:

Амыр-Санаа Хавада чаалажып турган иргин маньчинен, Шиңгилде чаалашкан чери бар иргин. Эң соонда дескинип бо Көк-Догайның бо черин кежээ чер эмеспе, чаалап албас. Ийи ай аткылажып, дээ даштың үстүңге туруп алгаи, аргамчы ап алгаи кемнен суг ап ижип, чиир чүвеси калбайн үстүнен кушту өтпейн, кушту адын ‘Амыр-Санаа воевал с маньжурами в Хабе, в Шингиле тоже есть места сражений. Потом в конце, сделав круг, приехал в Кок-Догай, в самую труднодоступную местность. Два месяца отстреливался на вершине той скалы, с помощью аркана из реки брал воду для питья, когда не осталось еды, то не пропускал птиц, летящих над ним, отстреливал’ (зап. от Оргунчапа, 1954 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В наши дни в Или-Казахской области скала Амыр-Саны пользуется популярностью в качестве «исторической достопримечательности» у китайских туристов, приезжающих в Синьцзянь. Местные туристические компании региона к этой скале устраивают пешие и конные экскурсии, хотя достоверность этих сведений по историческим данным не установлено.

Согласно устным рассказам, китайские тувинцы Амыр-Сану принимают за своего соплеменника, поэтому происхождение Амыр-Саны нередко связывают с тувинской родоплеменной группой *дорт сумун*, состоящей из четырех групп: *иркит*, *чаг-тыва*, *хөйүк*, *хойт* [Юша, 2018, с. 32]. Эту мысль о принадлежности Амыр-Саны к роду *дорт сумун* не только высказывают сами представители рода, но и подтверждают члены других тувинских родов:

Амыр-Санаа деп тегинде бо дөрт сумунуң бо нак кончуг, бо хонтайжи барыын-мурнуу чук чой барган ‘Амыр-Санаа на самом деле из рода *дорт сумун* самым лучшим был, этот *хонтайжи* в западно-южном направлении

уехал' (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Возможно, утверждение о тувинском происхождении Амыр-Саны основано на следующих исторических фактах: «Амурсана не принадлежал к влиятельным слоям ойратов, хотя и происходил из аристократического рода “цаган туг хойт” (“хойт белого знамени”)» [Златкин, 1983, с. 286], поскольку в этническом составе китайских тувинцев, как мы указывали выше, имеется род *хойт*, который входит в объединенную группу *дорт сумун*.

Образ Амыр-Саны идеализируется современными тувинцами, поэтому они считают его неконфликтным человеком, далеким от разного рода распрей. Имеются нарративы, в которых сообщается, что Амыр-Сана жил на Китайском Алтае в то время, когда якобы сражались между собой родоплеменные группы *оорчаков* и *соянов*, поэтому, чтобы не видеть этого кровопролития, он сбежал в другое место:

Бо Хаваның суунуң ол чарыынга дурган иргин, бо оорчаг-соян билен кады. Унуун оорчаг-соян каккылажыыр орта Амыр-Санаа дезер иргин ‘Он жил на другой стороне реки Хавы, оказывается, с *оорчаг*, *соянами* вместе был. Когда *оорчаки* и *сояны* начали враждовать, то он сбежал’ (зап. от Кызыл-Боовея, 1939 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В наши дни представители рода *оорчак*, соседствующие с тувинцами, идентифицируют себя с монголами, хотя они в совершенстве владеют тувинским языком, соблюдают традиционную обрядность и обычаи, присущие тувинцам. Среди материнского этноса род *ооржак* считает себя тувинцами [Юша, 2017, с. 106].

Народная любовь к Амыр-Сане выражается в наделении его разными положительными качествами и способностями, характерными для выдающейся личности. Встречаются тексты, в которых Амыр-Сану даже считают основателем тувинского государства. Очевидно, что в этих данных есть доля истины, так как, по мнению историков, «тувинцы в составе Джунгарии составляли отдельное ханство, платившее подати джунгарскому хану. Джунгарские правители высоко ценили боевые качества тувинских военных подразделений» [История Тувы, 2001, с. 189]. В следующем рассказе исполнитель считает Амыр-Сану основателем тувинского государства, обращает внимание на выкопанные им глубокие ямы, находящиеся в местности Теректиг, что, по его мнению, свидетельствует о его пребывании в этих местах:

Амыр-Санаа баатыр хунтайжи Теректигде казып каан үттери бар, чоруун черлериниң. Джунгода бо бистиң бир тыва күрүнүң курмакчысы. Бодунуң агасы иелеси докускаш таарышпайн. Манчының көвей шерии келгеш чеңгип калды. 1757-чи чылдарда Амыр-Санаа кээр мен деп киткен аан. Дедир келир мен деп киткен ‘Богатырь Амыр-Сана хунтайжи, в Теректиге, где он проезжал, есть норы, им выкопанные. В нашем Китае он является основателем тувинского государства. Со старшим братом вдвоем они не смогли найти общий язык. Многочисленное войско маньчжуров его победило. В 1757 году Амыр-Сана, «Еще вернись!» сказав, уехал’ (зап. от Бадырылты, 1970 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Согласно нарративам, тувинцы Китая считают Амыр-Сану не только военачальником, но и своего рода культурным героем, ставшим основателем стрельбы из лука – одного из видов спортивных состязаний, национальной гордости тувинцев, сохранившейся до настоящего времени в обрядовой традиции новогоднего цикла. Например:

Бо баавыс Амыр-Санааның каап берген оюну дидир. Мынчалдыр мен улуглардан дыңнадым ‘Наша стрельба из лука – это игра начатая Амыр-Саной, – так говорят. Вот такое я слышал от старших’ (зап. от Кендинчапа, 1949 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В фольклорной традиции китайских тувинцев существует и отрицательный образ Амыр-Саны. Бытуют рассказы о том, что Амыр-Сана после бегства от своих противников захотел стать правителем алтайских тувинцев (одно из самоназваний китайских и цэнгэльских тувинцев. – Ж. Ю.). Однако тувинское население не желало подчиниться ему, поэтому тувинцы решили прогнать его со своих земель. Об этом свидетельствует следующий текст:

Амыр-Санаа бо ойуктан дезип келгеш, дезип келген эвеспе. Маньчжуга кужу четпейн дезип келгеш, бо Алдайнын тываларын беглээр мен дээрге, Алдай тывалары беглетпес бис дээш ойладырга, ол кижси:

Бээн танываан мен мунгак мен,

Бээн танываан силер мунгак.

Албаты танываан мен мунгак мен, – дээш дезип чой барган.

‘Амыр-Санаа, с той стороны убегая, пришел сюда. Не хватило сил для маньчжуров, [поэтому] убегая, пришел сюда. Хотел стать бегом-правителем алтайских тувинцев, но алтайские тувинцы не захотели его [видеть] правителем, стали его прогонять, тогда тот человек [произнес]:

Меня, своего бега, не признали, я глуп,

Вы своего бега не признали, вы глупы.

Подданные меня не признали, я глупый, – так сказав, сбежал’ (зап. от Батыочура, 1986 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2012 г.).

Вышеприведенное трехстишие (вар. двустиие) у тувинцев Китая является одним из устойчивых поэтических строк в структуре устных рассказов про Амыр-Сану, который хотел стать правителем китайских тувинцев. Это изречение, авторство которого приписывают Амыр-Сане, передает трагизм сложившейся ситуации, когда он, потерпев поражение в борьбе с маньчжурской армией, искал себе союзников, готовых выступить против грозного врага – Цинской империи. Часто многие информанты среднего и пожилого возраста свой рассказ начинали с озвучивания этого стихотворного образца, а молодежь, которая не помнит текст целиком, в наши дни ограничивается декламированием данного трехстишия, популярного среди китайских тувинцев. Слово *муңгак* китайскими тувинцами используется в диалектном значении «глупый», тогда как это же слово в литературном языке означает «печальный».

Согласно другой версии вышеприведенного рассказа, Амыр-Сана после своего поражения захотел править только малой частью тувинцев – населением местности Ханас. В следующем примере он изображен трусливым человеком, который убегает при малейшей угрозе, что не подобает знаменитому полководцу:

Ол Амыр-Санаа келгештен бо Ханаска черлээр мен, бо черни аңги бодум башкарар мен деп, Амыр-Санаа хунтайжи кээп. Унуун соңгаар амдыы чүве билбес надаң-хара тыва амдыы саадактың огунга чаалажсыкай деп бичиштиң Амыр-Санааны. Ол чаитын чунуп олурарда, кыдыынга бир ок кээп дүжсер, саадактың огу. Алгаитан көрсе, амдыыгылар “чаалажыр бис, сени өлүрер бис” деп бичип каап тур. Ол улуг улустуң хоочусу. Онуун соңгаар амдыыгы:

Ээзин билбээн муңгак тыва,

Хаанын билбээн хара муңгак тыва” деп каргааш, Амыр-Санааның чурту бо Сай-Кежигнен ашкаш чой барган дидир. Тыва ынчап чаалаар мен дээрде, корткаш десе-ле барып-тыр ‘Этот Амыр-Сана, приехав, сказал: «Буду жить в Ханасе, этой землей сам буду править», – говорил Амыр-Сана. Потом ничего не знающие, не обученные тувинцы написали Амыр-Сане, что хотят с ним сразиться в стрельбе из лука. Когда он на улице сидел и мылся, то рядом с ним упала стрела, стрела лука. Открыв письмо, увидел, что тувинцы написали ему: «Мы с тобой сразимся, тебя мы убьем!». Это рассказ старых людей. После этого тот [Амыр-Сана] произнес:

«Хозяина своего не узнавшие глупые тувинцы,

Хана своего не узнавшие глупые тувинцы», – так проклиная, Амыр-Сана со своими людьми перевалил через перевал Сай-Кежиг. Когда тувинцы захотели с ним сразиться, то он сбежал от испуга. Он сказал: «Хозяина своего не узнавшие глупые тувинцы, хана своего не узнавшие глупые тувинцы», – так он спел и, поплавав, уехал, оказывается. Он приехал, чтобы быть хозяином Ханаса, оказывается. Тувинцы Ханаса с ним перестреливались, кажется’ (зап. от Биликти, 1927 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Как видно из текста, в форме двустипшия присутствует то же устойчивое выражение о неузнавании тувинцами Амыр-Саны, якобы высказанного им самим.

Негативное отношение к Амыр-Сане проявляется и в других случаях. Так, в народе бытуют рассказы о том, что Амыр-Сана рассорил семь *кожуунов* (кожуун – административно-территориальная единица), куда входили тувинские и монгольские племена, расселенные на Китайском Алтае, которые затем во время господства Маньчжурской династии были сгруппированы в две большие области: Зуунгар (букв. «Правая рука») и Баруунгар (букв. «Левая рука») [Namkamidog, 2009; Zhengchun, 2016].

В представлении тувинцев, Амыр-Сана даже воевал со своими соплеменниками из *дорт сумун*:

Бодунуң дөрт сумун, чеди кожууну билен аткылажып-аткылажып оон соонда чоруунан кедээр Болбаадай деп ат каап каан ‘Со своими дорт сумун и семью кожуунами перестреливался. Когда он уехал, то гору стали называть Болбаадай’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Возможно, в этом рассказе отражено реальное историческое событие, когда в начавшейся междоусобной борьбе за ханский престол, как свидетельствуют носители традиции, некоторые монгольские и тувинские племена были на стороне соперников Амыр-Саны.

Независимо от территориально-родовой принадлежности у китайских тувинцев устные рассказы об Амыр-Сане имеют единую концовку, в которой подробно

объясняется его **уход** с территории проживания тувинцев и **будущее его возвращение** в Китайский Алтай. Так, уход и возвращение Амыр-Саны обычно представлены двумя устойчивыми мотивами: 1) Амыр-Сана обещает вернуться к тувинцам в Китайский Алтай в описанное им конкретное время; 2) Амыр-Сана совершает акциональное действие – срезает верхушки тополя / деревьев. Указанные мотивы являются устойчивыми, но в текстах они не имеют строгой последовательности.

Отметим, что мотив «срезание верхушки тополя / деревьев» встречается только в анклавной традиции, а в материнском поле он ни разу не зафиксирован. Возможно, семантика этого мотива у китайских тувинцев восходит к одной из древних форм описания ритуала принятия какой-либо клятвы, существовавшей в тюрко-монгольском мире.

По мнению жителей Ак-Хавы, Амыр-Сана, когда уезжал, то, срезав верхушку тополя, обещал вернуться:

Амыр-Санаа ынчан ыяштың бажсын кескеш чой барган. Ол шагда бо Амыр-Санаа хоңтайжи айыткан: “Очалаңның үстүнге ала-шаакайның бажы долганда, ыт тура сиктээр шагда, бодумнуң кожуунумну тып аар мен” дээн Амыр-Санаа ‘Амыр-Сана срезал верхушку тополя. В то время Амыр-Санаа хонтайжи говорил: «Когда во Вселенной будет много [людей] в разноцветной обуви, когда собака стоя будет писать, свой кожуун я найду», – сказал Амыр-Санаа’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж.М. Юша, 2011 г.).

В данном примере присутствуют вышеописанные мотивы: 1) акциональное действие – срезание верхушки тополя Амыр-Саной; 2) описание времени своего возвращения к тувинцам в родной кожуун.

В следующем рассказе также упоминается акциональный компонент – срезание верхушки тополя, совершенное Амыр-Саной, и клятва вернуться при определенных условиях:

Ол амытаннар аайтырда, бир ыяшты ээй тырткаш, шеттиң бажсын одура хаккаш: “Ала аттың кудуруу черге дээн шагда, моон кээп бир тывар мен” деп ынчаап таңгырак аайыткаш барган дедир ий ‘Люди рассказывали, что он, одну из верхушек дерева склонив, отрубив его верхушку [он сказал]: «Когда хвост пегого коня достанет земли, в то время сюда приехав, буду [вас] искать», – так он, клятву проговорив, уехал, так говорят’ (зап. от Биликти, 1927 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В период сбора материала по сказочной прозе, мы не раз сталкивались с утверждениями информантов о том, что время прихода Амыр-Саны уже пришло, поскольку он обещал в определенное время вернуться в Китайский Алтай. Как считают носители традиции, в настоящее время уже появились приметы прихода Амыр-Саны.

Например, об этом свидетельствует следующий рассказ:

Амыр-Санаа келир мен дээн деп айыткан дедир, бурунгу улуг кижилер аайтыр иргин. Мынаар бо чүкте бир ыяштың бажсын мынчап кескен дедир. Көвей хоюг-хоюг ыяштарның бажсын төдүн мынчап дескилеп, чаагай кескен дедир. Улуг кижилер хоочулаар: “Ол ыяштың бажы четчиин шагда, чер-көктү бо очалаңның бо кырын, кыдаттың бо шаакайы хаптаан

шагда” деп аайтып тур. “Бо шагда мен истеп келир мен” деп айыткан дедир, “истеп келир мен”. Шаакай ресинке, ол шагда мындыг ресинке шаакай кетпес эмесе ол шагда. Тыва төдү эдик кедер, былгаар инектиң кезинен эдик кедер эмесе ол шагда, мындыг ресинке шаакайлар болбас ‘Амыр-Сана сказал, что вернется, так говорили старые люди. Вон на той стороне верхушку одного дерева срезал, говорили. Верхушки многих деревьев так подровняв, красиво срезал, говорили. Старые люди рассказывали: «Когда верхушки тех деревьев расцветут, когда землю-листву на Вселенной истопчет китайская обувь, – так говорил. – В это время я найду [вас] и приду», – так [он] говорил, оказывается. «Я найду и приду», – так говорил. В то время не носили такую резиновую обувь. Тувинцы в то время все носили обувь из коровьей шкуры, такой резиновой обуви не было’ (зап. от Урук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Как следует из данного текста, признаками возвращения Амыр-Саны являются: многочисленность китайцев в мире, ношение резиновой обуви, производимой китайцами. Примечательно, что информант дал свое видение этой ситуации, из которой следует, что в прошлом, во время ухода Амыр-Саны, тувинцы носили традиционную обувь, а резиновой обуви у них и не было.

Согласно историческим источникам, Амыр-Сана в период распада Джунгарского ханства, после своего поражения в 1757 г., бежал в Россию, и в этом же году он умер от оспы в Тобольске. Для освидетельствования смерти его тело было увезено в Кяхту и погребено [Кузнецов, 1983, с. 70–72]. В фольклорной традиции китайских тувинцев бегство Амыр-Саны описывается в различных вариантах. Имеются нарративы, в которых Амыр-Сана уезжает не только в разные страны – Россию, Казахстан, но и на другие континенты – например, в Америку. Здесь мы видим образец того, как исторические предания, содержащие аспект достоверности, осмысливаются несколькими поколениями, которые вносят свою лепту в изменение фольклорного текста, не соответствующее действительности.

Частотны нарративы, в которых описана правдивая ситуация – Амыр-Сана уезжает в Россию. В подтверждение этому в тексте указывается реальный топоним – Уральские горы (рассказчик называет их Оральскими горами):

Амыр-Санаа ол бо Хаваның ол чарынан дескештен Орал даг деп черге хонаштанган дидир. Ол Орал дагга барган соонда орус база дыш бербес иргин, ойлалдыр иргин ону ‘Амыр-Сана, сбежав из Хавы, на горе Орал ночлег устроил, говорят. На горе Орал ему не дают покоя и русские, они стали его гнать [оттуда]’ (зап. от Кызыл-Боовея, 1939 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

Нередко встречаются тексты, в которых Амыр-Сана уезжает в Казахстан, где и находит свой последний приют: *Маньчу-кыдаттан чеңгилгештен Казакстан черинге баргаш өлүр* ‘Понеся поражение от маньчжуров-китайцев, в Казахстан приехав, он там умирает’ (инф. Бадырылты, зап. в 2011 г.). Возможно, выбор Казахстана связан с близостью государственной границы к местам проживания китайских тувинцев в наше время. Однако в таких рассказах имеется и доля правды, поскольку, как свидетельствуют исторические факты, Амурсана, потерпев ряд поражений, 28 июля 1757 г. явился в Семипалатинск, но 31 июля он оттуда был отослан в Тобольск [Златкин, 1983, с. 301–302].

По некоторым рассказам, Амыр-Сана после своего поражения уезжает в Европу:

Амыр-Санаа моон үнгеш Европа дип чоруур иргин дедир ‘Амыр-Сана, уехав из этой местности, в европейский материк отправился, говорят’ (зап. от Уурук, 1955 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Имеются примеры, где он отправляется в Америку:

Мен Амыр-Санааны бодасам бо тегинде медилдиг, кончуг медилдиг амытан бо, Америка дээр бис, ынаар чой барган-дыр ий ‘Я думаю, что Амыр-Санаа на самом деле был умный, очень умный человек, мы говорим Америка, [он] туда в Америку уехал’ (зап. от Серика, 1957 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В большинстве случаев для китайских тувинцев отъезд Амыр-Саны в Европу и Америку ассоциируется с тем, что страны, расположенные в этих континентах, для них олицетворяют свободомыслие, они отличаются инаковостью государственной структуры, возможностью выразить свое мнение и отстаивать свою точку зрения, что соответствует статусу Амыр-Саны – в представлениях тувинцев, вольнодумца и борца против иноземных захватчиков.

Несмотря на наличие рассказов, описывающих бегство Амыр-Саны в разные страны и континенты, в то же время существуют нарративы о том, что в настоящее время останки Амыр-Саны находятся в Пекине, поскольку китайскому правительству позволили забрать его останки из России. Этот мотив противоречит реальным фактам, поскольку, по историческим сведениям, после смерти Амурсаны маньчжурские власти настаивали на выдаче его тела, но российская сторона решительно отклонила это требование [Златкин, 1983, с. 303]:

Ол орустуң Ак-хааны: “Кижигерниң сөөгүн алып силер, Амыр-Санааның” дээр иргин. Онуун бо Чин өкүметти оларны эккеп алган, ол Бээжиңде дидир Амыр-Санааның сөөгү. Эккеп алган дидир ‘Тот Белый царь сообщил: «Заберите останки своего человека Амыр-Саны», – так [он] сказал, говорят. Потом китайское правительство забрало его останки, теперь в Пекине находятся останки Амыр-Саны, так говорят. Привезли, так говорят’ (зап. от Кендинчапа, 1949 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2011 г.).

В данном примере обращает на себя внимание употребление китайскими тувинцами архаичного словосочетания *белый царь* в значении «русский император», которое встречается в фольклорных произведениях тюркских народов Южной Сибири – алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев.

В наши дни нередко у пожилых людей бытуют представления, что Амыр-Сана, когда он бежал в Россию, увел с собой часть китайских тувинцев, которые остались в стране Советов, т. е. в Туве:

Амыр-Санаа былаап алгаиш чоруй барган бистиң тываны. Амыр-Санааның уруглары силер силер аан, ынаар чой барган, Советке барган. Чеди кожуун десең эки кижини чуртту бирлештирип турган кижини эмесе* ‘Амыр-Санаа, [часть] наших тувинцев взяв с собой, ушел. Вы дети Амыр-Саны, он ушел туда, в страну Советов. Семь разрозненных *кожуунов* он

объединял, хорошим человеком был' (зап. от Эресан, 1952 г. р., Или-Казахская область СУАР, КНР. Соб. Ж. М. Юша, 2010 г.).

Из этого текста видно, что личность собирателя тоже играет немалую роль в фиксации полевого материала, поскольку рассказчик каждый раз заново воспроизводит текст, интерпретируя свой материал в зависимости от слушающей его аудитории. В ходе экспедиционной работы бывали случаи, когда таким же способом объясняли малочисленность китайских тувинцев, поскольку носителями традиции эти тексты воспринимаются как достоверные источники.

Таким образом, в современной анклавной традиции китайских тувинцев выявлен пласт устных рассказов, преданий и легенд, посвященных Амыр-Сане. В отличие от материнского поля, нарративы на эту тему до настоящего времени живы в памяти молодых и пожилых людей, что показывает преемственность устной фольклорной традиции и устойчивость исторической памяти. Собранные материалы последних лет свидетельствуют, что образ Амыр-Саны у китайских тувинцев, по сравнению с материнском полем, представлен различными вариантами и версиями, в которых его фольклорный образ довольно противоречив.

С одной стороны, Амыр-Сана в фольклоре китайских тувинцев до сих пор олицетворяет веру в свободу и независимость, его приравнивают к эпическому герою – *баатыру*, воспринимают как тувинца и своего соплеменника, считают даже культурным героем, начинателем состязания стрельбы из лука среди тувинцев. С другой стороны, встречаются негативные характеристики Амыр-Саны – как трусливого человека; хана, потерпевшего поражение и захотевшего стать правителем тувинцев. В нарративах сюжетной ситуации «Амыр-Сана желает стать правителем тувинцев» одной из специфических особенностей анклавной традиции является обязательное присутствие поэтического трехстишия / двустишия, передающего суть основной тематики повествования. Выявлено, что в рассказах уход и возвращение Амыр-Саны содержат два устойчивых мотива, передающих идею возвращения Амыр-Саны в родные края в трудное для народа время. В процессе полевой работы установлено, что в наши дни многие респонденты верят и ждут возвращения Амыр-Саны, что является ярким показателем сохранения исторической памяти на протяжении нескольких столетий.

Список литературы

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. О символике металлических котлов в культуре кочевников // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 114–116.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 330 с.

История Тувы: В 3 т. / Под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1983. 132 с.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 373 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28)

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноктинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

Юша Ж. М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 101–117.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука, 2018. 400 с.

Namkamidog. 新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 (Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu). Beijing, 2009. 294 с.

Zhengchun S. 图瓦语 和 图瓦人 的 多语 生活 (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China). Beijing, 2016. 348 p.

Список источников

Образцы фольклора, зафиксированные от китайских тувинцев, в населенных пунктах и чабанских стойбищах Алтайского аймака Или-Казахской области СУАР КНР.

Полевые дневники автора во время экспедиций в СУАР КНР в 2010–2018 гг.

References

Dzhumabekova G. S., Bazarbaeva G. A. O simbolike metallicheskih kotlov v kul'ture kochevnikov [On the symbolics of metal cauldrons in the culture of Nomads]. *Samara Journal of Science*. 2017, vol. 6, no. 2 (19), pp. 114–116.

Istoriya Tuvy: V 3 t. [History of Tuva in 3 vols.]. S. I. Vaynshteyn, M. Kh. Mannayool (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2001, vol. 1, 367 p.

Kuznetsov V. S. *Tsinskaya imperiya na rubezhakh Tsentral'noy Azii* [The Qing Empire on the borders of Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 132 p.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, tales of Tuvans]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, J. M. Yusha (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 373 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 28).

Namkamidog. 新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 [A field survey and study of Tuvinian people and culture in Xinjiang]. Beijing, 2009, 294 p.

Neskazochnaya proza altaytsev [The non-fairy prose of the Altai people]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]; Vol. 30).

Yusha Zh. M. *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka: Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of Tuvans at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 400 p.

Yusha Zh. M. Tuvintsev Kitaya v 21 veke: vekhi istorii i sovremennoe sostoyanie [Tuvans of China in the 21st century: milestones of history and current state]. *The New Research of Tuva*. 2017, no. 1, pp. 101–117.

Zhengchun S. 图瓦语 和 图瓦人 的 多语 生活 [Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China]. Beijing, 2016, 348 p.

Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758* [History of the Dzungar Khanate 1635–1758]. 2nd ed., Moscow, Nauka, 1983, 330 p.

List of sources

Obraztsy fol'klora, zafiksirovannyye ot kitayskikh tuvintsev, v naseleennykh punktakh i chabanskikh stoybishchakh Altayskogo aymaka Ili-Kazakhskoy oblasti SUAR KNR

[Samples of folklore recorded from Chinese Tuvinians in settlements and shepherds' camps in the Altai aimag of the Ili-Kazakh region of XUAR, PRC].

Polevye dnevniki avtora vo vremya ekspeditsiy v SUAR KNR v 2010–2018 gg. [Field diaries of the author during expeditions to XUAR PRC in 2010–2018.].

Информация об авторе

Юша Жанна Монгеевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Information about the author

Zhanna M. Yusha, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57202400847

WoS Researcher ID 9856-2020

Статья поступила в редакцию 16.04.2023;

одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 10.05.2023

The article was submitted on 16.04.2023;

approved after reviewing on 05.05.2023; accepted for publication on 10.05.2023